

В заключении следует отметить, что в данной публикации нами решались задачи теоретико-методологического осмысления терроризма как социально-политического феномена, выявления его сущностной природы, связанной с политической мотивацией, установления его отличий от иных форм насилия, в том числе криминальных действий.

Библиографический список

1. *Большой* юридический энциклопедический словарь. – М. : Книжный мир, 2006. – 720 с.
2. *Большой* энциклопедический словарь. – М., 1988. – 1600 с.
3. *Версия*. – 2001. – 13–19 ноября.
4. *Глюксман, Андре*. Философия ненависти / Андре Глюксман. – М., 2006. – 284 с.
5. *Гурба, В. Н.* Терроризм: проблемы за пределами террора / В. Н. Гурба // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2.
6. *Дамаскин, О. В.* Социальные аспекты терроризма в условиях глобализации / О. В. Дамаскин // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2004.
7. *Дикаев, С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С. У. Дикаев. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
8. *Дымарский, Виталий*. О терроризме и его корнях, стволах и кронах / Виталий Дымарский // Российская газета. – 2007. – 13 сентября.
9. *Известия*. – 2006. – № 53.
10. *Изиляева, Л. О.* «Чеченский терроризм»: причины появления, направления минимизации / Л. О. Изиляева // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 19–20 апреля 2005 г.). – М. : Наука, 2006. – С. 489–493.
11. *Ланцев, С. А.* Террор и террористы : словарь / С. А. Ланцев. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004.
12. *Леонард, М.* XXI век – век Европы / М. Леонард. – М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
13. *Ольшанский, Д. В.* Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 288 с.
14. *Устинов, В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В. В. Устинов. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.
15. *Хомский, Н.* 9–11 / Н. Хомский. – М., 2001.
16. *Хоффман, Брюс*. Терроризм – взгляд изнутри / Брюс Хоффман. – М. : Ультра ; Культура, 2003. – 264 с.
17. *Hoffman, Bruce*. Inside terrorism / Bruce Hoffman. – New York : Columbia University Press, 2006. – 432 с.

РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

А.А. Буров
(Россия, г. Пятигорск)

Ключевые слова: геополитическая конструкция, процессы политической интеграции, система политических отношений, геостратегическая роль, субъекты геополитики, столкновение интересов, региональные лидеры.

Key words: geopolitical model, processes of political integration, political connection's system, geopolitical role, geopolitical's subjects, confrontation of interests, region leaders.

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался ускорением политических изменений и увеличением степени их непредсказуемости, нарастанием тенденций глобализации и международной интеграции, кардинальными трансформациями не только структуры,

но и самой природы геополитической конструкции мира. Подобная специфика протекания современного геополитического процесса характерна для многих регионов мира, в том числе и для Кавказско-Каспийского геополитического массива, который в настоящее время приобретает новую конфигурацию.

В это время активно образуются различные союзы, содружества и сообщества, объединившие под эгидой тех или иных целей множество различных государств. Именно эти процессы дают основания говорить о региональной интеграции как характерной черте современного мира [1].

Процессы современной политической интеграции проявляются на разных уровнях – межгосударственном, межрегиональном (трансграничном), внутрирегиональном (деятельность национальных и этнических движений, призывающих к политической локализации и сепаратизму).

Межгосударственная интеграция отражает процесс интернационализации, происходящий в современном мире. В связи с распадом социалистического блока наблюдается смена парадигмы развития. От двух враждебных союзов мир движется в сторону полицентричности, то есть существования нескольких центров силы. В настоящее время происходит перегруппировка политических сил, государств, нахождения ими своих ниш в мировом сообществе людей. Идет процесс смены парадигмы мирового развития, в том числе и политической, а поэтому интеграционные процессы нового качества только зарождаются.

Аналогичные по форме, но не по содержанию, процессы происходят и внутри государств в постсоциалистических странах. В них идет дезинтеграция прежнего единства, позволяющая создать принципиально новые политические субъекты, которые на новых основаниях осознанно смогут поставить и решать объективно необходимые задачи интегративного развития своих регионов, субъектов и т.п. [11, с. 5].

Интеграционные процессы в геостратегическом пространстве Кавказско-Каспийского региона реализуются в виде этнополитической иерархизации. Такая иерархизация выстраивается посредством выработки представлений об автохтонности того или иного этноса (с помощью этноистории), стремления к повышению территориального статуса или к созданию национальной автономии и т.п., а также внутренней и внешней делегитимизации правящих элит. Их недостаточная легитимность частично компенсируется в морально-психологическом отношении созданием сетей внутрирегиональной кооперации (по линии «непризнанных» государств или отдельных этносов), а также инструментальным использованием международных организаций, вовлеченных в процессы урегулирования межэтнических и социальных противоречий. Возможность реинтеграционных процессов связана с актуализацией накопленного исторического опыта мирного сосуществования народов, а также общностью их геоэкономических и геополитических целей [21, с. 70].

Кавказско-Каспийский регион является одним из самых беспокойных регионов не только постсоветского пространства, но и всего мира (на небольшой территории тлеют три межнациональных конфликта). Обладая огромными запасами природных ресурсов, он играет стратегическую роль в восстановлении трансконтинентального торгового маршрута – Великого шелкового пути, который соединял Дальний Восток, Центральную Азию, Европу и Ближний Восток. Поэтому не случайно, что здесь сталкиваются интересы многих стран.

Основными участниками создания политики безопасности на Южном Кавказе являются его независимые и признанные страны: Грузия, Армения, Азербайджан; государства, граничащие с регионом, – Россия, Турция, Иран, а также Соединенные Штаты Америки и международные организации ООН, ОБСЕ, СНГ, ГУАМ и НАТО, ЕС, стремящиеся решить глобальную задачу по распространению на Южный Кавказ западных стандартов мироустройства [12, с. 188–190].

Пытаясь прогнозировать развитие ситуации на Южном Кавказе и в Кавказско-Каспийском регионе в целом, нужно учитывать следующие обстоятельства: во-первых, принять во внимание позиции всех политических субъектов в регионе; во-вторых, иметь в виду, что вычленив ситуацию в отдельно взятом политическом

субъекте невозможно, поскольку он связан политическими, экономическими, культурными и родственными узами; в-третьих, наконец, понять, в каких пространствах, областях, сферах совпадения интересов сегодня не просматриваются, а где реально в будущем можно найти компромисс [21].

Следует признать, что Россия слабо контролирует ситуацию в Кавказско-Каспийском регионе, теряя позиции не только на Южном, но на Северном Кавказе, где ситуация усложняется, несмотря на бодрые рапорты региональных руководителей. Все более увеличивается недоверие населения к властным структурам. У российского руководства нет новых идей для решения межэтнических конфликтов. Сегодня грузино-югоосетинский и грузино-абхазский конфликты достигли взрывоопасной стадии.

В столицах стран Южного Кавказа также мало кто принимает во внимание тот факт, что население непризнанных ими республик имеет высокий уровень политического сознания. Что бы ни говорили в Тбилиси и Баку, но без поддержки населения правительства Степанакерта, Сухуми и Цхинвали не удержались бы у власти полтора десятка лет.

Основная проблема политических элит России и стран Южного Кавказа – Грузии, Азербайджана и Армении – отсутствие новых подходов к решению замороженных межнациональных конфликтов. Ожидания руководства государств Южного Кавказа сводятся к возможности замены российского присутствия. Здесь уповают на то, что другие игроки – США, НАТО или Европейский Союз с ОБСЕ – сумеют решить их внутренние проблемы.

Между тем в странах Южного Кавказа не завершены вопросы государственного становления, не реализуются политические реформы, и опыта государственного разрешения конфликтов тоже нет. Политически слабые государства создают условия для отдельных этнических групп, на которые можно опереться, но это не может стать основой для решения конфликтов, которые из замороженных перерастают в перманентные.

Оценивая ситуацию в Кавказско-Каспийском регионе, можно отметить ряд положительных и ряд отрицательных факторов, которые сказываются на развитии пространств раздора и согласия.

К положительным факторам можно отнести то, что после пятнадцатилетнего перерыва в Грузии между экспертами Кавказского региона был начат обмен взглядами, конструктивный диалог и переговорный процесс по наиболее острым и наиболее болезненным вопросам, которые волнуют общество [14, с. 97–101].

Российская Федерация и Европейский союз в последние годы пытаются наладить и сформировать четыре общих пространства: свободы, безопасности и правосудия; научных исследований и образования; а также в области внешней безопасности. Однако в российском экспертном сообществе все более и более преобладают мнения, что в Европейском союзе Россию не ждут, и поэтому основные усилия переносятся на работу в ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ [5, с. 58–63].

К отрицательным факторам следует отнести повышение уровня милитаризации в грузино-южноосетинской конфликтной зоне и начало полномасштабного вооруженного решения вопроса с применением Грузией 8 августа 2008 г. всех видов наступательного вооружения в отношении мирных жителей Южной Осетии. Наблюдается значительное усиление в регионе позиций фундаментального ислама. Примером тому могут быть октябрьские события 2007 г. в Нальчике. Фактически отсутствуют переговорные отношения между Тбилиси и Цхинвалом, между Тбилиси и Сухуми, между Баку и Степанакертом, хотя по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева в начале ноября 2008 г. Азербайджан и Армения возобновили мирный диалог по Нагорному Карабаху.

Задача российской внешней политики и дипломатии в Кавказско-Каспийском регионе – создание благоприятных внешних предпосылок для реализации главных целей сохранения целостности государства и укрепления его единства при условии развития правового демократического государства, отдающего приоритет правам человека. Для достижения этой задачи необходимо выработать и реализовать скоординированную стратегию, основными направлениями которой должно быть следующее:

1) повышение заинтересованности иностранного капитала в стабилизации ситуации на Северном Кавказе и повышение его участия в проектах развития региона;

2) определение в качестве важнейшего приоритета нормализацию и развитие отношений с непосредственными соседями – государствами Южного Кавказа – по всем основным направлениям;

3) институализация политического диалога с Турцией в пользу стратегического взаимопонимания с Россией, введение в практику консультаций на уровне генеральных штабов Вооруженных сил России и Турции, углубление политических контактов с Израилем, Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией, Иорданией;

4) осуществление мер, направленных на историческое примирение России с исламским миром с целью превратить традиционный ислам на Северном Кавказе в союзника в борьбе с экстремизмом;

5) изоляция экстремистских сил на Северном Кавказе путем заинтересованного диалога с руководством Турции, Египта, Израиля, других государств Ближнего и Среднего Востока, стран СНГ, Европейского Союза, США, укрепление взаимодействия с соответствующими службами этих государств в целях совместной борьбы с международным терроризмом;

6) упредительные акции в связи с прошлой договоренностью об определении статуса Чечни до 2001 г. с целью исключения ситуации, когда нерешенность вопроса о статусе может быть использована иностранным государством как предлог для признания независимости Чечни;

7) объяснение российской общественности и внешнему миру целей и методов российской политики на Северном Кавказе для достижения ее понимания и поддержки;

8) оборудование государственной границы с Азербайджаном и Грузией, создание специальной зоны безопасности на территории Чечни и сопредельных территориях, региональной системы обеспечения безопасности Юга России.

Рассматривая тенденции политико-интеграционного развития в Кавказско-Каспийском регионе в начале XXI в., представим плоскости и форматы двусторонних политико-интеграционных отношений России и государств, граничащих с Кавказско-Каспийским регионом.

Российско-турецкие отношения на сегодняшний день имеют почти стратегический характер, несмотря на союзнический уровень отношений Турции с США. Россия на 65 % удовлетворяет потребности Турции в газе. 11,7 млрд м³ российского «голубого топлива» Турция получает по Трансбалканскому газопроводу и около 5 млрд м³ – по «Голубому потоку». После России по этому показателю на втором месте и с большим разрывом находится только Иран – 3,8 млрд м³ [8].

Газовый компонент на сегодня – ключевой как в экономической, так и в политической сферах. С учетом большого влияния Турции на Азербайджан и, соответственно, России на Армению, возникают возможности использования дополнительных ресурсов в разрешении карабахского конфликта. Одновременно Москва может выступать посредником в сглаживании острых двусторонних отношений Еревана и Анкары, осложненных историческим прошлым (геноцид армян в Турции).

На политические отношения продолжает оказывать определенное влияние «чеченский фактор», хотя степень отрицательного воздействия его сегодня значительно ниже, чем еще два-три года назад.

Анализируя перспективы интеграционных процессов между Россией и Турцией в Кавказско-Каспийском регионе, можно признать следующее.

Турция, скорее всего, будет предпринимать попытки ослабить газовую зависимость от России и создавать альтернативные каналы поставки энергоносителей из других стран. Видимо, в ближайшие два-три года завершится строительство южно-кавказского газопровода по транспортировке газа в Турцию с морского месторождения «Шахдениз». В строительстве участвуют японская компания «Sumitomo», греческая компания «ССIC» и франко-американский альянс «Spie Capag/ Petrofac». Эти же компании были подрядчиками на строительстве азербайджанского и грузинского участков нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Однако реализация данного проекта вряд ли стратегически изменит ситуацию в газовом импорте Турции и ведущую роль России в данном энергетическом компоненте [10, с. 128].

Вероятным сценарием развития событий вокруг российского энергетического и иного транзита через проливы будет сохранение Турцией режима конвенции Монтре о свободе судоходства, но без изменения существующих сегодня ограничений, которые затрагивают интересы российских экспортеров и морских перевозчиков, существенно ограничивая их транзит.

С учетом дальнейшего улучшения (либо сохранения нынешнего уровня) политических отношений для российско-турецкого бизнеса в ближайшие годы наиболее перспективными и особенно выгодными будут (включая действующие газовые контракты) электроэнергетика, в части поставок электроэнергии и оборудования для ряда турецких станций, и развитие телекоммуникационного бизнеса.

В российско-иранских интеграционных процессах условно можно обозначить следующие направления совместных отношений:

- международные политические усилия России (совместно с Китаем) по нормализации Иранского кризиса;
- развитие военно-политического сотрудничества между Ираном и РФ;
- интеграционные транспортные проекты;
- энергетический компонент российско-иранского сотрудничества.

В качестве анализа и перспектив сотрудничества следует признать, что российско-иранские политические и экономические отношения, несмотря на партнерский и взаимовыгодный характер, по отдельным компонентам достаточно противоречивы и потенциально конфликтны. Однако ряд общих факторов, связанных с сопредельностью территорий, наличием в России большой доли мусульманского населения, обоюдной выгодностью атомных проектов, ВТС и др., купируют эти локальные противоречия, придавая в целом отношениям достаточно сбалансированный и устойчивый характер.

Резюмируя сюжеты российско-казахстанской политической и экономической интеграции, следует отметить три момента:

1) рост «технологических» нестыковок (по тарифам и транзиту нефти) – естественный процесс, который связан с дальнейшим сближением экономик и процессами реальной интеграции. Чем интенсивнее связи, тем больше будет возникать транзитно-ценовых и иных экономико-технологических расхождений. Однако эти расхождения носят скорее тактический, чем стратегический характер. Россия и Казахстан сегодня – самые близкие страны по всем параметрам взаимодействия; 2008 г. дал перспективу углубления трехстороннего российско-китайско-казахстанского сотрудничества [4]. При умелой постановке дела эта перспектива может со временем стать стержнем евразийской энергетической безопасности [12];

2) на российско-казахстанской «оси» идеологически держится все центрально-азиатское пространство СНГ. Фактически эта «ось» стала региональным геополитическим центром для Москвы и Астаны. Видимо, учитывая отход Киева и Тбилиси от проектов СНГ, Москва и Астана станут ключевыми странами всего комплекса интеграционных вопросов и процессов безопасности в регионе. Тенденции взаимного экономического роста на среднесрочную перспективу дают возможность России и Казахстану углублять процесс военно-политического и военно-технологического сотрудничества и сближения.

3) активное сотрудничество в рамках ЕврАзЭС – также важный фактор, определяющий перспективы российско-казахстанских интеграционных связей.

Российско-туркменские отношения в течение последних лет были связаны:

1) с перспективами туркменских газовых поставок в Россию и попытками Ашхабада частично пересмотрены договоренности 2003 г., в частности цены на закупаемый «Газпромом» туркменский газ [4];

2) с повышением политической роли Туркменистана в российско-украинских газовых отношениях после январских (2006 г.) «газовых войн»;

3) с переговорами по определению правового статуса Каспия;

4) с возросшим критическим отношением Ашхабада к перспективам СНГ и обсуждением вопроса об ассоциированном членстве Туркменистана в Содружестве [13, с. 324].

Суммируя текущую аналитику по третьему блоку, можно предположить, что:

1) в 2007–2008 гг. не следует ожидать разрешения проблемы определения статуса Каспийского моря как в рамках пяти стран, так и на двустороннем уровне российско-туркменских отношений;

2) «Газпром» и «Лукойл» будут наращивать свое инвестиционное присутствие в проектах, связанных с расширением добычи на туркменском шельфе Каспия;

3) между ЗАО «Зарит» и тандемом «Газпром» – «Лукойл», скорее всего, обострится конкуренция, которая, возможно, к концу 2007 – началу 2008 гг. приведет к реформатированию форм участия и состава участников проектов;

4) не исключено появление в ближайшее время на туркменском шельфе других крупных иностранных энергетических компаний из КНР, Малайзии и других государств.

Характеризуя ближайшие перспективы развития российской политики в Туркменистане, следует отметить сохранение некоей односторонности этой политики – концентрацию на газовой сфере, хотя В.В. Путин пытался сделать ее более диверсифицированной. Думается, разрыв между политикой и экономикой усилится еще больше. Отношения Москвы и Ашхабада не идеологизированы, они жестко прагматичны и, по сути, не зависят от региональных проектов типа ЕврАзЭС, ОДКБ, ЕЭП и др.

Южный Кавказ для современной российской политики всегда был своеобразным «минным полем», где каждый шаг требовал особого внимания [2]. Субрегион сохранил неразрешенные старые конфликты и приобретает новые. Это регион, особенно нуждающийся в политической интеграции.

Таким образом, современная политическая ситуация и межнациональные отношения в Кавказско-Каспийском регионе во многих чертах отражены в картине, характеризующей многообразие государственных и региональных границ. Эта картина гетерогенна как в правовых статусах границ, так и в различных формах административного регулирования приграничных отношений на региональном уровне

В течение 1990–2000-х гг. дезинтеграционные процессы в регионе продолжались. Постепенно общее советское пространство и связанные с ним атрибуты забывались. Лидерство в интеграционных проектах на Кавказе перешло к организациям, финансируемых из-за рубежа, что диктовало характер и особенности новой интеграции. Более отчетливо проявилась конкуренция между большими державами за перераспределение ролей влияния в Кавказско-Каспийском суперрегионе за транспортировку каспийской нефти и др. В качестве интегрирующих векторов политического пространства можно считать международные структуры, такие как СНГ, ЕС, НАТО, ШОС, ГУУАМ, ООН, ОБСЕ и др. Следует рассматривать и внутренние рычаги двусторонних межгосударственных, межрегиональных структур и проектов типа ЕврАзЭС, ОДКБ, ЕЭП и др.

Следует признать, что число теоретических проектов среди индивидуальных исследовательских проектов сократилось. Возросло количество межрегиональных и трансграничных проектов на Южном Кавказе и Каспийском регионе, ориентированных на практику и инициированных неправительственными организациями (хотя доля этих проектов еще остается низкой).

Значительно расширилась сеть всевозможных неправительственных организаций на Южном Кавказе. Наибольшая их концентрация наблюдается в столицах – Тбилиси, Ереване и Баку. Мода на трансграничные проекты, активно стимулируемая заграничными фондами [20], перестала соответствовать реальному положению вещей и привела к возникновению громких, но заведомо малоэффективных проектов [6], направленных якобы на улучшение трансграничного сотрудничества [7, с. 145–153].

Следовательно, можно констатировать, что как субрегион Южного Кавказа, так и весь Кавказско-каспийский регион переживает переходный период становления новых политико-интеграционных реалий. Их перспективы и тенденции непредсказуемы.

Библиографический список

1. *Буторина, О.* Понятие региональной интеграции: новые подходы / О. Буторина // *Космополис*. – 2005. – № 3.
2. *Военная доктрина Российской Федерации: Утверждена Указом Президента РФ от 21.04.2000* // *Российская газета*. – 2000. – 25 апреля.

3. **Вопросы** Министерства иностранных дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11.07.2004. № 865 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 28. – Ст. 2880.
4. **Договор** между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам, Астана, 9 января 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.kremlin.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. **Калачян, К.** Международно-правовые проблемы деятельности ЕврАзЭС / К. Калачян // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 58–63.
6. **Каспийская** программа по окружающей среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.caspianenvironment.org, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. **Косов, Ю. В.** Трансграничное региональное сотрудничество: Северо-Запад России / Ю. В. Косов // Полис. – 2003. – № 6. – С. 145–153.
8. **Крылов, А.** Турецкий шантаж. Зачем Турции был нужен Путин? [Электронный ресурс] / А. Крылов. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/article1093.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. **Куртов, А.** Россия – Казахстан: любовь нельзя купить (23.01.2006) [Электронный ресурс] / А. Куртов. – Режим доступа: // www.analitika.org, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. **Лузянин, С. Г.** Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.) / С. Г. Лузянин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – С. 128.
11. **Малфлит, К.** Содружество Независимых Государств: на пути к интеграции / К. Малфлит, В. Г. Тимирязов, А. А. Здунов, Е. Б. Султанов. – Казань: Центр иннова. технологий, 2004. – С. 5.
12. **Маринченко, А. В.** Геополитика / А. В. Маринченко: учебное пособие. – М.: Кавказская типография, 2008. – С. 188–190.
13. **Международные** отношения // Научная б-ка МГИМО(У) МИД России. – М., 2004. – Вып. 4. – 324 с.
14. **Онофрийчук, А. В.** Взаимодействие России и Грузии в условиях современной геополитической ситуации на Южном Кавказе / А. В. Онофрийчук // Университетские чтения – 2006: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Ч. 10. – Пятигорск, 2006. – С. 97–101.
15. **Программа** TEAP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geocities.com>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. **Программа** Европейского союза TACIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu.int/index.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. **Фонд** Евразия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efscpr.org/grants.htm> 30, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. **Фонд** ISAR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isar.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. **Фонд** Макаруров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.macfound.org>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. **Цыганок, А. Д.** Распри и сотрудничество на Кавказе. Нынешнее состояние и тенденции в Каспийско-Кавказском регионе [Электронный ресурс] / А. Д. Цыганок. – Режим доступа: <http://www.tsiganok.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
21. **Эбзеев, А. А.** Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции / А. А. Эбзеев // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН / отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д, 2006. – Вып. 39. – С. 70.
22. **Эколайн** в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecoline.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
23. **WWF** в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wwf.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.